

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВАРНОГО СОСТАВА

В течение длительного периода внимание исследователей праславянского языка концентрировалось в основном на изучении вопросов, связанных с реконструкцией его грамматической структуры, в то время как вопросы реконструкции праславянского лексического состава ими почти не затрагивались. Результатом этого явились многочисленные работы, содержащие подробное описание грамматических явлений праславянского языка, тогда как ни одного словаря праславянского языка пока еще не существует. Источниками наших фрагментарных сведений о праславянском словарном составе являются этимологические словари славянских языков (где наряду с праславянской лексикой, представленной далеко не полно, помещены и иные лексические пласты) и немногочисленные монографии и статьи, посвященные некоторым лексическим группам и отдельным словам древнего происхождения.

Лишь в последние годы вопросы реконструкции праславянского словарного состава привлекли к себе пристальное внимание ученых ряда стран. Это нашло свое выражение не только в статьях теоретического характера, посвященных различным аспектам данной проблемы, но и — что особенно характерно для настоящего периода — в работах конкретного плана, непосредственной целью которых является реконструкция лексического состава праславянского языка. Здесь представляют интерес небольшие статьи, содержащие списки слов праславянского происхождения для отдельных славянских языков, и особенно — подготовительные работы крупного масштаба, которые ведутся в нескольких странах по составлению праславянских словарей, стремящихся как можно полнее отразить праславянскую лексику. Так, праславянский словарь составляется в Кракове, этимологические словари славянских языков, одной из основных задач которых также является реконструкция праславянского словаря, — в Москве и Брно. Эти работы, рассчитанные на длительное время, пока еще находятся в начальной стадии: вышли в свет лишь пробные выпуски краковского и московского словарей, подлежащие широкому обсуждению. Ясно, что для успеха такого рода исследований, где велика роль гипотетических построений, первостепенное значение имеет то, как понимают их авторы свои цели, какие принципы и методы отбора праславянской лексики они используют. Поэтому сейчас особенно актуальной является задача критического обзора этих работ для сопоставления и обобщения принципов и методов, положенных в их основу. Наша статья также преследует эту цель.

* * *

Как уже отмечено, существует два типа работ, реконструирующих праславянскую лексику: 1) работы, воссоздающие праславянский словник отдельных славянских языков, и 2) работы, реконструирующие праславянский лексический запас всех славянских языков.

Рассмотрим работы первого типа. Они представлены небольшими статьями, целью которых является составление индекса слов праславянского происхождения для какого-либо отдельного славянского языка. Сюда относятся статьи: Т. Лер-Сплавинского¹ (для польского языка), Т. Орлось² (для чешского) и С. Радевой³ (для болгарского). Подобный же индекс для сербохорватского языка сделан И. Поповичем в XVI главе его большого исследования, посвященного истории сербохорватского языка⁴.

Все эти списки составлены по образцу индекса Т. Лер-Сплавинского, сделанного им для польского языка еще в 1938 г. Авторы их следуют его принципам и методике, правда, с разной степенью последовательности. Поэтому именно польский индекс целесообразно рассмотреть подробнее, чтобы, сравнив с ним другие списки, выявить черты, общие им всем, и отметить некоторые нововведения, сделанные Т. Орлось, С. Радевой и И. Поповичем. Это тем более оправдано, что в статье Лер-Сплавинского изложены принципы составления праславянского словника, тогда как другие авторы ограничиваются в этом вопросе ссылками на статью Т. Лер-Сплавинского.

Постоянный интерес Т. Лер-Сплавинского к истории и культуре праславян определил цели и характер его работы. Его интересует, в частности, какие элементы культурного наследия праславян до сих пор живут в польской культуре. Для решения этой проблемы им привлекает языковой материал. Цель его статьи — составить реестр лексики, унаследованной современным литературным польским языком от праславянского состояния, чтобы затем, сравнив его со всей употребительной до сих пор литературной польской лексикой, получить некоторые сведения об элементах культуры праславян, до сих пор сохраняющихся в польской культуре.

Исходя из этих задач Т. Лер-Сплавинский берет для исследования ограниченный лексический материал — современный язык культурных слоев польского общества, не привлекая диалектизмов, архаизмов и т. п. Т. Орлось и И. Попович делают то же самое. Лишь С. Радева, несколько отступая от этих установок, приводит в своем индексе некоторые слова, сохранившиеся в современных болгарских говорах, но уже утраченные литературным болгарским языком (*воля, ечемик, лъг, моч, слезен(ка), стрий* и др.), и некоторые архаизмы (*дик(и), укра, недра, яд* и др.). Однако сумма тех и других не превышает 70 и, очевидно, не охватывает всех случаев такого рода.

Т. Лер-Сплавинский указывает, что если взять для изучения не литературную лексику, а какой-либо другой лексический пласт, например словарь сельских жителей, то праславянский индекс несколько изменится, так как древние слова, формы и значения сохраняются в говорах лучше, чем в литературных языках. И. Попович в XVI главе указанного исследования приводит ряд примеров, подтверждающих эту мысль:

<i>hleb</i> (чак.)	— <i>provalija</i>	(литер. с.-хорв.)
<i>ogań</i> (черногор.)	— <i>vatra</i>	» »
<i>dažd</i> (диал. с.-хорв.)	— <i>kiša</i>	» »
<i>človik</i> »	» — <i>čovek, čovjek</i>	» »
<i>ostar</i> »	» — <i>ōstar</i>	» »
<i>jagoda</i> 'Бееге' (чак.)	— <i>jagoda</i> 'Erdbeere'	» » и др.

¹ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie polskim. — «Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby» II. Kraków, 1938, стр. 469—481.

² T. Z. O r ł o ś. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» 3. Warszawa, 1958, стр. 267—283.

³ S. R a d e w a. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie bułgarskim. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» 4. Warszawa, 1963, стр. 171—199.

⁴ I. P o p o v i ć. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

Но, к сожалению, вследствие намеренного ограничения объема исследования лексикой современного литературного языка эти и многие другие интересные факты непосредственно в праславянском индексе сербохорватского и других языков не отражены.

Источником для составления всех данных праславянских индексов послужили материалы этимологических словарей. Т. Лер-Сплавинский пользовался словарями Е. Бернекера⁵ и Ф. Миклошича⁶, Т. Орлось, кроме того, привлекла данные из словаря Голуба—Копечного⁷ (для чешского), а С. Радева — из словарей Ст. Младенова⁸ и Н. Герова⁹ (для болгарского). Словари современных языков источниками расписывания не служили, а использовались лишь эпизодически в тех случаях, когда необходимо было установить, присутствует ли то или иное слово в современном языке, или оно уже им забыто.

Критерием праславянского происхождения какого-либо слова для Т. Лер-Сплавинского и, видимо, для Т. Орлось и С. Радевой служит наличие этого слова в других славянских языках в идентичной или близкой форме со значением, в основном соответствующим значению данного слова. Это определение явно нуждается в конкретизации. Прежде всего необходимо уточнить, какое значение вкладывает автор в понятие «другие» (языки): имеет ли он в виду два—три языка или большинство славянских языков и считает ли он, что слово праславянского происхождения обязательно должно быть представлено во всех славянских языковых группах.

Сербохорватский индекс позволяет более определенно судить о точке зрения его составителя по этому вопросу. Для И. Поповича слово является праславянским, если оно отмечено хотя бы в трех языках, представляющих все три славянские языковые группы. В соответствии с этим он приводит при каждом сербохорватском слове праславянского происхождения два его эквивалента (один — из восточной, другой — из западной группы славянских языков). Но в качестве эквивалентов И. Попович дает иногда слова, значительно отличающиеся от сербохорватского слова по оформлению и значению:

с.-хорв. *ledina* 'Flur' (чеш. *lado* то же, русск. диал. *лядина* 'dichter Wald');

с.-хорв. *slavuj* 'Nachtigall' (болг. *славей*, *славик*, чеш. *slavík*, русск. *соловей*);

с.-хорв. *mrav* 'Ameise' (чеш. *mravec*, *mravenec*, русск. *муравей*, диал. *муравль*, польск. *mrówka*);

с.-хорв. *objed* 'Mahlzeit' (русск. *обѣд* 'Mittagessen', чеш. *oběd* то же) и др.

К тому же И. Попович часто приводит в качестве эквивалентов устаревшие и диалектные слова, противореча своим собственным принципам. В результате этого сопоставляются неравноценные лексические объемы: с одной стороны, — современная литературная сербохорватская лексика, а с другой, — литературная, диалектная и архаическая лексика других славянских языков. И это, конечно, неправомерно. Например:

с.-хорв. *prsi*, *prsa* 'Brust' (ст.-чеш. *prsi*, польск. *piersi*, др.-русск. *перси*);

с.-хорв. *sladak* 'süß' (чеш. *sladký*, русск. диал. *солодкий*) и др.¹⁰

⁵ E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908 и сл.

⁶ F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

⁷ J. Holub, F. Korečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

⁸ Ст. Младенов. Этимологически и правописен речник на българские книжовен език. София, 1941.

⁹ Н. Геров. Речник на българский език, I—V. Пловдив, 1895—1904 (с дополнения от Т. Панчев. Пловдив, 1908).

¹⁰ Необходимо сделать частное замечание относительно ошибочного употребления Поповичем в целом ряде случаев помет «русское диалектное»

Подобные принципы отбора праславянских слов, естественно, оставляют за пределами исследований праславянские диалектизмы. Сама проблема существования праславянских диалектизмов Т. Лер-Сплавинским в этой статье (1938 г.) еще не ставилась. Он сделал это позже — в работах 50-х годов. Т. Орлось также не касается этого вопроса, а С. Радева ограничивается лишь замечанием о том, что различия в словообразовательном оформлении некоторых родственных слов в разных славянских языках могут носить древний характер, будучи связанными с диалектным членением праславянского языка. И. Попович несколько подробнее останавливается на проблеме диалектизмов. Он указывает на то, что существуют диалектизмы с разными ареалами распространения: собственно сербохорватские, сербохорватско-болгарские, южнославянские, сербохорватско-чешско-словацкие и др. Но это замечание не иллюстрируется в индексе конкретными языковыми фактами. Интересны указанные И. Поповичем слова праславянского происхождения, сохранившиеся только в сербохорватском языке и имеющие соответствия в других (неславянских) индоевропейских языках, например:

с.-хорв. *brzdica* (**bъrzd-*) 'Stromschnelle', ср. лит. *burzdūs* 'beweglich'; в других славянских языках в этом значении известен только тип **bъrzd-*, без *-d-* ('schnell'): с.-хорв. *brzica* то же, словен. *brzica*, с.-хорв. *brzak*, болг. *bъrzak* и др. (Ср. еще блр. *борзды*. — И. П.)

Но такие примеры, к сожалению, также не вошли в праславянский индекс сербохорватского языка в результате принятого Поповичем критерия отбора праславянской лексики.

Во всех рассматриваемых нами работах праславянский лексический материал подан с помощью семантической классификации, которая у Т. Лер-Сплавинского, например, выглядит следующим образом. Все слова объединены в три большие группы:

- А. Духовная жизнь человека;
  - В. Окружающий мир и материальная жизнь человека;
  - С. Другие категории (грамматического) значения.
- Данные группы подразделяются на более мелкие разряды:
- А. 1) способности души и чувства;
  - 2) некоторые абстрактные понятия;
  - 3) психические функции;
  - 4) психические свойства;
  - В. 1) земля, небо;
  - 2) растения и их составные части;
  - 3) звери, их тело и т. д.;
  - 4) человек, его тело, функции тела, болезни;
  - 5) общественная жизнь, семья;
  - 6) хозяйственная жизнь;
  - 7) *varia*;
  - 8) физические функции;
  - 9) физические свойства;
  - С. 1) местоимения;
  - 2) числительные;
  - 3) наречия;
  - 4) союзы;
  - 5) предлоги.

Другие авторы также пользуются семантической классификацией Т. Лер-Сплавинского, лишь незначительно изменяя ее. Наличие у каждого исследователя своего варианта этой классификации лишний раз подчеркивает ее произвольность и зыбкость. С. Радева пишет, что часто испытывала затруд-

и «древнерусское». Например: *пшеница* — русское диалектное (!), *воевода* — русское диалектное (!), *лисица* — древнерусское (!), в то время как *зеница* и *порты* даны без всяких помет.

нения при разнесении слов по группам. Причем некоторые слова в индексах С. Радевой и Т. Орлось помещены дважды — в двух разных группах. Это болгарские *бистър, весел, гнусен, дързък, замोजен, плах, светъл, скъп, щедър*; почна, чужа и др.; чешские *hnusný, hotový, lahodný, libý, plachý, skoupy, štědrý; kořiti se, kvapiti*. Видимо, семантическая классификация не является наилучшей для выявления собственно языковой специфики словарного материала, но в работах данного типа, для которых лексика служит в основном лишь средством выявления понятий и представлений определенной эпохи, она, безусловно, уместна и целесообразна.

Найти нужное слово в польском индексе затруднительно, так как слова располагаются внутри подгрупп чаще всего не по алфавиту, а группируются в небольшие семантические поля. Вот как расположен материал, например, в подгруппе A1: *rozum, wola, czucie, myśl, pamieć, chęć, wiara, nadzieja* и т. д.

Подобным образом располагает свой материал и И. Попович. Т. Орлось и С. Радева, учитывая недостатки такого способа, вводят алфавитный порядок внутри семантических подгрупп.

Все слова праславянского происхождения даны Т. Лер-Сплавинским без указания их значения в польском языке, без их формальной и семантической реконструкции на праславянском уровне и без эквивалентов из других славянских языков. Т. Орлось и С. Радева рядом с каждым словом праславянского индекса приводят его польский эквивалент, а если его не существует, — семантически соответствующее польское слово. Если же болгарское слово и формально соответствующее ему польское семантически различаются, С. Радева дает значение болгарского слова, а затем — формальный польский эквивалент, например: *скъп 'drogi', skapy; чужа 'usłyszeć. czije*.

И. Попович обязательно дает значение слова и, кроме того, везде приводит два (реже — три) эквивалента этого слова из двух славянских языков разных групп — восточной и западной, например:

с.-хорв. *zlato* 'Gold' (русск. *золото*, чеш. *zlato*);

с.-хорв. *breza* 'Birke' (словц. *breza*, укр. *береза*);

с.-хорв. *zvezda (zvijezda)* 'Stern' (русск. *звезда*, укр. диал. *zvizda*, чеш. *hvězda*) и т. п.

Вследствие того, что все авторы при отборе праславянской лексики исходили из сходных принципов, их индексы очень близки друг к другу по характеру и типу представленных в них слов. Необходимо отметить лишь некоторые особенности сербохорватского словника, прежде всего его неплноту и некоторую непоследовательность в подаче материала. Так, здесь отсутствуют отыменные прилагательные типа *zimni, miran, tajni*, включенные во все индексы других языков; лишь выборочно приводятся названия дней недели и месяцев и абстрактные существительные на *-ost*: даны, например, *mudrost, milost, žalost, pakost*, но не зафиксированы *mladost, radost, starost*. И в то же время в сербохорватском словнике приводится ряд слов, которые отсутствуют в словниках других языков, например *grlica, ručnik, ulaziti*.

Все другие индексы ближе друг к другу и имеют более законченный характер. Их различия незначительны, и поэтому целесообразно остановиться лишь на одном из них — польском, чтобы на его примере выяснить характерные черты остальных.

Во всех праславянских списках, за исключением нескольких этнонимов (*Słowianin, Włoch, Ruś, Niemiec, Węgier*), представлены только апеллативы.

В индексы включены древнейшие заимствования из неславянских языков, которые относятся к эпохе праславянского единства. Это наиболее старый пласт германизмов (например, *chleb, myto, pułk*), небольшая группа иранизмов (например, *topór, Bóg*) и некоторые слова латинско-греческого происхождения (например, *wino*).

Части речи представлены в индексах довольно полно. Здесь — существительные, прилагательные, глаголы, числительные (количественные,

порядковые и собирательные), местоимения, союзы, предлоги. Отсутствуют междометия. Как исключения даются единичные причастные (*wiadomy, świadomy, widomy; wrzący*) и отпричастные (*poszątek*) образования и некоторые древние наречия (*wiele, bardzo*), а также несколько старых форм сравнительной степени прилагательных (*mniej, więcej*) и т. п.

С точки зрения словообразовательной структуры, слова, помещенные в индексах, являются в основном корневыми (типа *woda, góra, dać, pić, biały, goły* и т. п.) и суффиксальными, образованными по древнейшим моделям. Однако во многих случаях тот или иной суффикс встречается всего в одном или в нескольких примерах (например, *starosta, grabież*).

Суффиксальные типы у существительных представлены такими образованиями, как: *bojaźń, przyjaźń; pieśń; mądrość, miłość, radość; czucie, życie; prawda; swadźba; piekło, radło, sztyd; granica, ciemnica; twierdza, sadza; głównia; włókno; grzebień, pierścień; brzytwa; kozuch; piwo; głębina, dzięcielina; brodawka; gospodarz; gospodyni; kowal; starzec, samec; samica; młodzieniec; jałowiec; stolnik; pątnik; starosta; wódz; jagnię, szczenię* и др.; у прилагательных — такими, как: *wodny, zimny, gnuśny, godny; duchow(n)y; żywy; krwawy; bliski, gładki; daleki; bogaty; boży; światły* и др.; у глаголов — такими, как: *wierzgnąć* (ср. *wierzgać*), *targnąć* (ср. *targać*); *dawać* (ср. *dać*), *miłować* (ср. *miły*). При этом иногда в индексе приводятся две формы глагола (совершенная и несовершенная), если обе они являются достаточно старыми образованиями, например *dać — dawać, ścigać — (do)-ścignąć, skakać — skoszyć* и др.

Префиксальные образования и сложные слова наличествуют лишь в небольшом количестве. Это *ubogi, nigdy, poganiać, posyłać; wojewoda, kołowót, złodziej* и др.

В словарь включено несколько десятков существительных, образованных суффиксальным или безаффиксным способом от префиксальных глаголов, например: *nienawiść, przyjaźń, nadzieja, zapowiedz, zasłona, podłoga, zawora, pokój, pożar, powód, rozum, przykład, ożóg* и др. и единичные отыменные глаголы, например: *tłumaczyć, darzyć* и др.

В конце своей статьи Т. Лер-Сплавинский делает некоторые выводы о характере слов, включенных в его польский список. Он указывает, что этот список содержит 1700 слов, из которых 1400 относятся к сфере материальной жизни, а 170 — к области духовной жизни. Среди этих слов около 1000 существительных, 460 глаголов, 170 прилагательных и небольшое число слов служебного (грамматического) значения.

Аналогичные подсчеты, сделанные Т. Орлось, С. Радевой и И. Поповичем на материалах чешского, болгарского и сербохорватского индексов, выявляют лишь незначительные отклонения от цифр, приведенных Т. Лер-Сплавинским.

Кроме списка чешских слов праславянского происхождения, Т. Орлось помещает в своей статье еще два списка, один из которых включает чешские слова праславянского происхождения, не имеющие эквивалентов в современном польском языке (*duh, jistý, bdíti, brašna, mrkati* и др. — всего 124 слова), а другой содержит слова праславянского происхождения, сохранившиеся в современном польском языке, но не имеющие эквивалентов в чешском (*cud, dola, bark, bluszcz, brykać* и др. — всего 112 слов).

С. Радева также приводит два подобных списка. Один — с праславянизмами болгарского языка, не имеющими соответствий в современном польском языке (*любов, мир, ведър, врач, зобя* и др. — всего 197 слов), другой — с польскими словами праславянского происхождения, не имеющими соответствий в современном болгарском языке (*kara, kłam, kłopot, bagno, bluzgać* и др. — всего 300 слов).

И. Попович подобных списков не дает, но приводит несколько древних слов, существующих в других славянских языках, но отсутствующих в сербохорватском или имеющих в нем иное значение (речь идет только о современном литературном языке, так как обычно эти слова или старые значения

зафиксированы в сербохорватских говорах или в архаической лексике).
Например:

- с.-хорв. *kiša* 'Regen': общеслав. *dъždъ* (с.-хорв. диал. *dažd*);
с.-хорв. *gvožđe* 'Eisen': общеслав. *želězo* (с.-хорв. диал. *žezezo*);
с.-хорв. *tražiti* 'suchen, verlangen': общеслав. *iskati* (с.-хорв. диал. *iskati*);
с.-хорв. *češal* 'Kamm': общеслав. *grebeň* (с.-хорв. диал. *greben*);
с.-хорв. *l'ubiti* 'kussen', не 'lieben', как в общеславянском (тогда как в старом сербохорватском *l'ubiti* 'lieben');
с.-хорв. *voleti*, *vol'eti* 'lieben', не 'wünschen' (тогда как с.-хорв. диал. *voliti* 'wünschen') и др.¹¹

С. Радева, кроме того, составила список болгарских слов праславянского происхождения, семантика которых значительно отличается от семантики соответствующих польских слов. Это:

- гнуцен* 'obrzydliwy': *gnušny* 'ленив';
лица 'jestem widoczny': *liczyć* 'броя';
час 'godzina': *czas* 'время';
бистър 'czysty, przejrzysty': *bystry* 'szybki';
блато 'bagnó': *śloto* 'кал' и др.

И еще один список помещен в статье С. Радевой — это сопоставительный перечень 45 пар болгарских и польских слов праславянского происхождения, имеющих словообразовательные различия, в большинстве случаев — суффиксальные:

- ечемик* — *jęczmień*
кашлица — *kaszel*
птица — *ptak*
яребица — *jarząb(ek)* и др.

ср. также префиксальное: *мъст* — *zemsta*.

Безусловно, все эти сопоставления и подсчеты интересны, однако результаты их очень относительны, так как они получены на основе изучения ограниченного языкового материала — лексик современных литературных языков.

Рассмотренные нами однотипные работы, сделанные в основном по принципам и методике Н. Лер-Сплавинского, дают краткий вариант праславянского словника, неполнота которого является следствием ограничения исследуемого объема лексики, применения указанных критериев отбора и недостаточного внимания к производным образованиям праславянских слов. Как было отмечено, слова в индексах приводятся без их реконструкции на праславянском уровне, однако в ряде случаев авторам приходится каким-то образом вычленять древний корень или основу, когда он сохранился только в словах сложного словообразовательного состава: (*na-wz*)-*nak*, (*przy*)-*wyknąć*, (*z*)-*bierać* и др. (Т. Лер-Сплавинский); *miš-karac*, *komar-ac*, *prt-en*, *gus-ka*, *spra-va-ti*, *za-spra-ti* (И. Попович); *гуп(ав)*, *на(дьявам)*, (*пре*)*сегна* (С. Радева), — а в единичных случаях давать и реконструкцию слова: *мика 'Mehl' (ср. *mičňak*, а также в диалектах *мика*), *oveštao* = **o-veš-* (И. Попович). Все это свидетельствует о полезности и необходимости реконструкции праславянской формы для каждого слова таких индексов.

Представляют интерес также некоторые аспекты исследования праславянской лексики у Т. Орлось, С. Радевой и И. Поповича — это выявление семантических и словообразовательных различий праславянских слов в разных славянских языках, а также констатация отсутствия того или иного

¹¹ I. P o p o w i c. Указ. соч., стр. 546—547.

праславянского слова в одном современном славянском языке при наличии его в другом. Однако эти проблемы здесь только поставлены и требуют подробных специальных исследований.

* * *

Если мы имели основание работы по воссозданию праславянского словника для отдельных славянских языков рассматривать в какой-то степени суммарно, так как они представлены небольшими однотипными исследованиями, то работы по реконструкции праславянского словарного состава для всех славянских языков в совокупности требуют индивидуального разбора вследствие специфических целей, принципов и методики каждой из них. К этим работам относятся:

- 1) пробный выпуск «Праславянского словаря» (Краков) ¹²;
- 2) «Основной общеславянский словарный состав» (Брно) ¹³ и
- 3) проспект «Этимологического словаря славянских языков» (Москва) ¹⁴.

Обратимся к «Праславянскому словарю», работа над которым началась под руководством Т. Лер-Сплавинского в 1954 г. и продолжается сейчас небольшим коллективом исследователей под руководством Фр. Славского. О характере будущего словаря мы можем судить на основании его пробного выпуска, состоящего из небольшого предисловия, написанного Лер-Сплавинским, и ста пробных словарных статей. В этом предисловии, а также в двух обстоятельных статьях Т. Лер-Сплавинского и Фр. Славского ¹⁵ и Зб. Голомба и К. Полянского ¹⁶, на которые есть ссылка в предисловии, подробно освещается работа по подготовке «Праславянского словаря», его характер, принципы и методика его создания, трудности, возникающие перед его составителями. В статье Зб. Голомба и К. Полянского подчеркивается полезность будущего словаря не только для языкознания, но и для других наук — истории первобытного общества и его культуры, этнографии и т. д. Сообщается, что данный словарь предполагают выпустить в трех частях: в первой праславянские слова будут расположены по алфавиту, во второй — по этимологическим гнездам, в третьей — по семантическим полям.

Основной задачей словаря является формальная и семантическая реконструкция всего праславянского лексического состава, хронологически приуроченная к периоду IV—V вв. н. э., то есть к концу существования праславянского единства.

Несмотря на стремление представить праславянскую лексику как можно полнее, составители не проводят сплошного расписывания всех доступных словарей славянских языков (диалектных, исторических, толковых и др. с целью отбора слов праславянского происхождения, а используют для этого главным образом данные этимологических словарей и этимологических исследований (статей, монографий), привлекая факты из словарей неэтимологического характера лишь в случае необходимости в процессе дальнейшей обработки отобранного материала — и это, конечно, может вызвать некоторые пробелы в их праславянском словнике.

Важнейшая методологическая проблема — определение критерия принадлежности того или иного слова праславянскому языку — решается следующим образом:

¹² «Słownik prasłowiański». Zeszyt próbny. Kraków, 1961. (Потапринт.)

¹³ «Základní všeslovenská slovní zásoba». Brno, 1964. (Потапринт.)

¹⁴ О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963. (Далее — Проспект.)

¹⁵ T. L e h r - S p ł a w i ń s k i, Fr. S ł a w s k i. Z pracowni Słownika prasłowiańskiego. — «Rocznik slavistyczny» XX, 1. Wrocław—Kraków, 1958.

¹⁶ Zb. G o ł ą b i K. P o l a ń s k i. Z badań nad słownictwem prasłowiańskim. — «Slavia» XXIX, 4. Praha, ČSAV, 1960.

1) слово считается праславянским, если оно в идентичной форме отмечено во всех или нескольких (минимально — в двух несоседних) славянских языках в их современном или историческом состоянии. Так, на основе полаб. *nerēsac* 'книг' и словен. *nerēsac* то же реконструируется праславянское *nersъcъ;

2) слово, засвидетельствованное только в одном языке или в двух соседних славянских языках, также может рассматриваться как праславянское, если оно имеет эквиваленты в одном или нескольких индоевропейских (но не славянских) языках. Так, на основе русск. *норос* 'рыбья икра, лягушачья икра', имеющего соответствие в лит. *nařšas* 'икра, мальки', реконструируется праслав. *norsъ. Следовательно, предполагается широко отразить в словаре праславянские диалектизмы, которые свидетельствуют о диалектной расчлененности словарного состава уже в рамках праславянского языка¹⁷.

Для «Праславянского словаря» характерно внимание к производным образованиям, к «живому» слову — отсюда, максимальная расчлененность в подаче словника. Так, в отдельных словарных статьях помещены:

**čel'adinъ* и **čel'adъ*;
*četverъ: *četvorъ, *čétvŕť и *četýre;
*dálъ и *dal'a*;
*debélъ и *dobélъ;
*děslo, *děсна, *děсно и *děсно;
**dátel'ъ*, **dát'a*; *daríti, *dárъ и *darъто;
*dobýtъде, *dobýtъкъ и **dobýt'a*.

В выпуске приводятся не только корневые слова типа *bába, *dŕbtŕ, но и некоторые суффиксальные, например *dolina, *dóŕьka, *čeléstьnikъ, **čel'adinъ*, **dátel'ъ*; *čélnъ, *čelestьnъ; *čarováti, *degnoti и нек. др.

Приводятся здесь и отдельные приставочные образования (например, *per-bosъ), и сложные слова (например, *čaroděŕь), а также древнейшая групповая лексема **nokt'ъsъ* < *noktъ + *sъ*.

Т. Лер-Сплавинский и Фр. Славский в своей статье пишут о трудностях, возникающих при определении времени образования производных слов, построенных по древним моделям, существовавшим еще в праславянском языке и сохранившим свою жизнеспособность до настоящего времени. При этом не всегда удается выяснить, является ли слово праславянским или же оно возникло в разных славянских языках параллельно уже после распада праславянского единства. В таких случаях рекомендуется особенно тщательно анализировать морфологическую структуру слова и его семантику, учитывать данные акцентуации и апофонии, принимать во внимание время первой письменной фиксации этого слова и область его распространения (географию слова).

Всего в выпуске помещено сто словарных статей, в которых представлены почти все части речи, включая и междометия. Отсутствуют лишь местоимения. Есть здесь и причастные (*vъstěklъ, *ólkomъ) и отпричастные образования (*dobýtъкъ), а также наречия (*čęsto*). Некоторые глаголы приведены в двух формах — совершенной и несовершенной, каждой из которых отводится отдельная словарная статья, например *dŕbtŕ и *dŕbáti.

В предисловии к пробному выпуску подчеркивается, что этимологические исследования не входят в круг задач, стоящих перед составителями словаря, а применяются лишь в качестве подсобного средства — при выявлении и указании индоевропейских эквивалентов к праславянским словам, особенно к праславянским диалектизмам.

Важным и новым в практике реконструкции праславянского лексического материала является то, что в этом словаре не только восстанавливается

¹⁷ См.: О. Н. Трубачев. Принципы построения этимологических словарей славянских языков. — ВЯ 1957, № 5.

предполагаемая праславянская форма слова, но и реконструируется его значение и даже, где возможно, место ударения в слове. Безусловно, это особенно трудно восстанавливаемые элементы слова — и они, естественно, не всегда могут быть реконструированы, о чем свидетельствуют довольно многочисленные случаи, когда составители приводят праславянские слова без указания в них места ударения.

Т. Лер-Сплавинский и Фр. Славский пишут также о трудностях, возникающих при реконструкции праславянского значения слов, указывая, что для преодоления их необходимо, основываясь на реально засвидетельствованных значениях этих слов в отдельных славянских языках и их памятниках, обязательно учитывать также этимологические данные, опирающиеся на сопоставления с ближайшими надежными индоевропейскими (неславянскими) эквивалентами, а, кроме того, принимать во внимание известные нам данные об условиях хозяйственной и общественно-культурной жизни праславянского общества.

В соответствии со всем вышесказанным словарные статьи строятся обычно по такой схеме: реконструированная праславянская форма слова (в ряде случаев с указанием места ударения, но везде без определения характера интонации), рядом с ней — реконструированное значение этого слова; затем следуют соответствующие слова из славянских языков (с учетом исторических и диалектных данных), с указанием их значений. В конце статьи обычно дается краткая этимологическая справка типа: **dariti* — деноминатив от **dǎrъ*, а в ряде случаев приводятся индоевропейские (неславянские) соответствия со ссылками на этимологический словарь или на другой этимологический источник, например: **dǎbtī*, ср. лит. *nu-dilbstū*, *-dilti* 'spuścić oszų', н.-нем. *dölben* 'bić', др.-в.-нем. *bi-telban* 'grzebać', др.-англ. *delfan* 'корабъ, grzebać'; **dojiti* — ближайшие индоевропейские соответствия: лат. *dēt*, *dēju* 'ssać', гот. *daddjan* 'karmić piersiā', др.-инд. *dhāyati* 'ssie'.

Иногда в конце словарной статьи указываются однотипные образования: **dobyťkъ* — производное с суффиксом **-ъkъ* от **dobyť*, пассивного причастия прошедшего времени от глагола **dobyti*. Такое же образование, как **načęťkъ*, **ostatъkъ*;

*nokt'ьsъ — слово образовано из **noktъ*+*сь* аналогично слову **dъnъ*-*сь*.

Следствие небольшого объема рассматриваемого нами пробного выпуска он не всегда дает полное представление о некоторых образованиях, в частности приставочных, которые будут наличествовать в словаре. Ряд проблем, связанных с реконструкцией праславянской формы, остаются для самих авторов еще невыясненными и ждут окончательного решения.

Для того чтобы представить в пробном выпуске не только все (или почти все) части речи, но и отразить в нем наиболее трудные проблемы, возникающие при отборе тех или иных праславянских производных слов (в частности, префиксальных и сложных), кажется, было бы целесообразно поместить в этом выпуске все слова, имеющие какой-либо один общий корень, которым в будущем «Праславянском словаре» предполагается посвятить самостоятельные словарные статьи.

В заключение хочется подчеркнуть, что пробный выпуск содержит ряд интересных словарных статей, сделанных на основе оригинальных принципов и методики реконструкции. Например, кажется удачной статья, написанная Зб. Голомбом, о несохранившемся в славянских языках праславянском глаголе **olkti*, **olkъ*, который автор восстанавливает на основе: 1) зарегистрированного славянского причастия **olkomъ*, которое должно представлять собой образование от атематического глагола (ср. **rekomъ* от **rekti*, **rekъ*); 2) зарегистрированного славянского глагола **olknoti*, который был образован, очевидно, от первичного **olkti* с помощью суффикса (ср. лит. *bėgu*, *bėgti*, др.-русск. *ѡтѣсѣ*, *ѡтѣчѣ*, ст.-польск. *biegъ*, *biec* — и современное польское *biegnę*, *biec*); 3) литовского *alkti*, *alkstu* 'ġaknać' и атематического литовского *alkti* (3 л. ед. ч.).

В словаре могут быть пропуски отдельных слов, форм и значений, так как его словник составлялся главным образом на основе материалов,

почерпнутых из этимологических словарей и других этимологических источников, а данные из словарей неэтимологического характера — толковых, исторических и диалектных — привлекались лишь при дальнейшей обработке отобранного материала. Однако в целом данный выпуск, безусловно, дает основание думать, что «Праславянский словарь» обещает быть интересным, достаточно полным и сделанным на высоком научном уровне, о чем свидетельствуют многие статьи пробного выпуска, в которых составители демонстрируют отличное знание материала, применение оригинальных приемов реконструкции и умелую обработку сведений о том или другом слове¹⁸.

* * *

Выпуск «Základní všeslovanská slovní zásoba», если судить о нем лишь по названию («Основной общеславянский словарный состав»), не должен, казалось бы, иметь непосредственного отношения к теме нашей статьи, так как известно, что понятия «праславянский» и «общеславянский» не взаимозаменяемые, а перекрещивающиеся. Однако Ф. Копечный в предисловии пишет, что в данной работе представлены главным образом праславянские слова и лишь несколько десятков слов, помещенных здесь, не могут быть отнесены к праславянским (это, например, поздние заимствования типа *vaĝon*, *papír* и т. п.). В общей сложности здесь зафиксировано около 2000 праславянских слов общеславянского характера — и поэтому эта работа представляет для нас безусловный интерес. Она тем более интересна, так как в предисловии указывается, что в дальнейшем предполагается ее уточнить и сделать полезной для подготавливаемого этимологического словаря славянских языков, над которым составители этого выпуска сейчас работают¹⁹.

Ф. Копечный подчеркивает, что выпуск был составлен в спешном порядке по просьбе комиссии «Общеславянского лингвистического атласа», главным образом в «морфологических» целях, с преимущественным вниманием к основным частям речи, т. е. к существительным, глаголам и прилагательным.

В предисловии поясняется, что общеславянскими считаются те праславянские слова, которые наличествуют во всех славянских языках или в большинстве их, за исключением одного-двух (редко трех) языков.

Что касается термина «основной» (словарный состав), то его определения в предисловии нет. На основе же лексики, представленной в работе, можно лишь заключить, что «основной» не значит для авторов «непроизводный», так как здесь представлены не только первичные (корневые) слова типа *oko*, *ucho*, *bykъ*, *krivъ*, но и производные (в большинстве — суффиксальные, редко — префиксальные), часто довольно сложные по своему словообразовательному составу. Это, например, не только *kirъсь*, *konъсь*, *gъrnъсь*, *pravъda*, *slaviti*, *slavъnъ*, *jalovno*, *potokъ* и др., но и, как исключение, *zadъnica*, *nazadъ*, *stъrajati*, *nedostatъkъ*, *nevinъnъ* и т. п.

Интересна мысль о том, что иногда именно сложные, производные слова имеют общеславянское распространение, тогда как более простые по структуре слова, на базе которых они образованы, не обладают общеславянским характером. Причем в ряде таких случаев выбор непроизводной формы в качестве основной был бы ошибочным и в генетическом отношении (см. об этом стр. 3 предисловия).

В предисловии также справедливо указывается, что этимологические словари не могут быть единственным источником при составлении общеславянского словаря, так как их материалы представляют результат субъективного авторского отбора. Поэтому данные этимологических словарей нуждаются в проверке на основе фактов, взятых из (неэтимологических) словарей отдельных славянских языков или из двуязычных словарей, однако задача сплош-

¹⁸ См. О. Н. Трубачев. Проспект, стр. 8—11.

¹⁹ При анализе данной работы мы использовали рецензию О. Н. Трубачева на кн.: «Základní všeslovanská slovní zásoba». Brno, 1964. — «Этимология. 1965». М., 1966.

ного расписывания всех словарей такого рода не ставилась, а это вызывает пропуски отдельных слов в словнике.

Данная работа состоит из нескольких разделов. После введения, написанного Ф. Копечным, в конце которого приведен список источников, следует перечень слов основного общеславянского состава (в алфавитном порядке), причем почти все слова сопровождаются пометами, одни из которых указывают на то, что слово есть во всех славянских языках, другие — на то, что слово отсутствует в одном или двух языках, третьи — на то, что оно имеет общее для всех славянских языков значение и т. п., но, к сожалению, многозначность некоторых из помет затрудняет восприятие материала.

Вслед за этим индексом помещен список слов, адекватных по форме и значению во всех славянских языках, затем идут списки слов, отсутствующих в одном или в двух близких языках (причем в предисловии указано, что при различного рода подсчетах и сопоставлениях два близких языка считаются за один, например нижнелужицкий и верхнелужицкий, чешский и словацкий, македонский и болгарский, русский и белорусский, реже украинский и белорусский, иногда македонский и сербохорватский, и это, конечно, далеко не безупречный в методологическом отношении прием).

Наконец, идет основная часть всей работы — статьи, посвященные словам основного общеславянского состава, которые строятся обычно так: заглавное слово в реконструированной праславянской форме без указания его ударения, но со значением, общим для всех славянских языков (в ряде случаев указываются значения, присущие не всем языкам, а лишь нескольким из них), а затем приводятся в качестве иллюстрации все соответствующие славянские слова. Кроме того, в словарных статьях отмечаются также языки, в которых это слово отсутствует.

В конце исследования находятся список «некоторых важнейших понятий» и обратный индекс общеславянской лексики.

Значение данной работы в основном определяется тем, что она дает нам один из вариантов праславянского индекса, а именно индекс праславянских слов общеславянского характера (в подавляющем большинстве случаев допускается отсутствие праславянского слова только в одном-двух языках).

Однако не может быть и речи о полном охвате выпуском всей праславянской лексики, так как:

во-первых, это не праславянский, а общеславянский словарь, поэтому праславянские диалектизмы, естественно, здесь не представлены;

во-вторых, далеко не все доступные словари отдельных славянских языков были просмотрены и расписаны, что тоже ведет к отдельным пропускам слов;

в-третьих, нечеткость представлений авторов о границах лексики, которая должна быть включена в их индекс (здесь отсутствует даже определение термина «о с н о в н о й словарный состав»), привела к непоследовательности при отборе производных слов;

в-четвертых, преимущественное внимание в этой работе уделено, как отмечается в предисловии, основным частям речи, что ведет к недостаточному отражению в ней других частей речи.

Все это надо учитывать и при оценке результатов различных сопоставлений, приведенных в предисловии Ф. Копечного.

* * *

Работа по подготовке «Этимологического словаря славянских языков (праславянский лексический фонд)» ведется в Москве в Институте русского языка небольшой группой сотрудников под руководством О. Н. Трубачева. Он же является автором изданного в 1963 г. проспекта будущего словаря, в котором подробно освещаются принципы и методы работы, а также даются пробные словарные статьи, посвященные главным образом наиболее трудным и спорным случаям. Так, особенно пристальное внимание здесь обращено на производные слова, в частности на префиксальные, см. статьи о словах

*jъziti, *obgorditi, *poznati, *perveziti и др., а также — на древнейшие групповые лексемы, такие, как *jъnъ (*jъ-no).

Чтобы не повторять проспекта, остановимся лишь на наиболее существенных и оригинальных чертах будущего словаря.

Прежде всего это словарь этимологический, поэтому его цель — не только наиболее полно реконструировать праславянский лексический фонд и выявить древнейшие словообразовательные модели, но и дать возможно более разностороннюю информацию об этимологии праславянских слов и соответствующей этимологической литературе. До настоящего времени работ с подобным кругом задач еще не существовало.

В соответствии с этимологическим характером словаря во всех его словарных статьях обязательно даются сведения об этимологии разбираемых слов. Структура этих статей такова: заглавное слово в реконструированной праславянской форме (но без реконструкции значения и ударения), затем — относящиеся сюда слова из славянских языков с указанием их значения и ударения и в конце — словообразовательно-этимологическая характеристика слова с подробным указанием этимологической литературы. Необходимо отметить, что при анализе состава слова особенное внимание уделяется отысканию цельнолексемных соответствий и параллелей, см., например, статьи о словах *bebrěnъ, *bylъje, *sъborъ и др.

Особенностью данного словаря является также методика отбора предполагаемой праславянской лексики, которая резко отличается от наиболее распространенной, когда основной праславянский словник получают главным образом в результате расписывания славянских этимологических словарей, а затем уже дополняют его дериватами и проверяют этот материал по неэтимологическим словарям отдельных славянских языков. Методика работы по составлению данного праславянского словника — прямо противоположная рассмотренной выше: сначала проводится сплошное просматривание всех известных лексикографических источников по отдельным славянским языкам, т. е. толковых, диалектных, исторических, двуязычных словарей и списков слов в различных изданиях (см. Проспект, стр. 33), с целью выявления слов предположительно праславянского происхождения, а затем эти слова проверяются по этимологическим словарям. После составления такого рода картотек для отдельных славянских языков их сольют в единую праславянскую картотеку. О. Н. Трубачев подчеркивает принципиальное значение данного методического приема, особенно если понимать работу по отбору словника как реконструкцию (см. Проспект, стр. 28). Безусловно, такой подход вызывает немало трудностей, так как при сплошном просматривании громадного лексического материала выявляется значительное количество слов, не имеющих этимологического решения, а следовательно, представляющих затруднения уже при решении вопроса о включении или невключении их в состав праславянского словника, так как многие из этих слов требуют специальных этимологических исследований.

Будущий словарь должен быть словарем-реконструкцией. Его преимуществом внимание будет направлено не на корневые элементы, а на «живые», цельные, словообразовательно оформленные лексемы, и поэтому лексический материал должен быть подан максимально расчлененно в словообразовательном плане (см. Проспект, стр. 9). Среди ста слов, которым в пробном выпуске посвящены отдельные статьи, представлены разнообразные суффиксальные (например, *bojaznъ, *bodъсь, *ědja, *gor'aninъ, *rydlo, *sědiba / *sadiba, *sětelъ; *dervěnjъ, *zvěrinъjъ, *dъnъnjъ *gludъkъjъ, *gordъskъjъ, *zobatъjъ; *nokt'evati) и префиксальные (*jъziti, *jъzliti, *obgorditi, *pergorditi, *perveziti, *poznati, *prodati, *sъněsti / *sъnědati, *usъpnoti, *vъniti и др.) образования, отражены многие части речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, местоимения, числительные).

Выявление древних производных образований и старых праславянских словообразовательных моделей — одна из важнейших задач словаря. Но именно производные слова представляют серьезные, а порой и непреодолимые трудности для исследователя, так как в ряде случаев почти невозможно

отличить праславянские слова от слов, построенных по старым праславянским моделям, но возникших в отдельных славянских языках (или в одном языке, а затем заимствованных другими языками) уже после распада праславянского единства.

Важным аспектом данного словаря является также пристальное внимание к географии праславянских слов, к выявлению праславянских диалектизмов разного типа: лексических, словообразовательных и семантических (см., например, статьи о словах *bagatje, *bebrěň и др.)²⁰. О. Н. Трубачев подчеркивает, что реконструируемый праязык надо рассматривать как язык живой, состоящий из диалектов (см. Проспект, стр. 21).

* * *

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть те основные условия, соблюдение которых, по нашему мнению, будет способствовать успеху работ по созданию праславянского словаря. Это прежде всего:

1) составление праславянского словника на основе всего доступного лексического материала с обязательным привлечением диалектной и архаической лексики;

2) первостепенное внимание к «живому» цельному слову, к производным образованиям, к старым словообразовательным моделям, что порождает потребность в создании словаря-р е к о н с т р у к ц и и;

3) выявление древнейших, праславянских диалектизмов.

Построенный таким путем праславянский словарь, несмотря на определенное число спорных примеров, которые, видимо, неизбежно будут в нем наличествовать, даст ценные сведения о праславянской лексике, древних словообразовательных моделях и, возможно, поможет уточнить наши представления о праславянском диалектном членении.

И. П. Петлева

ОБЗОР ГЕРМАНСКОЙ АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В 1963—1965 гг.

Разработка проблем германской лингвогеографии, в частности вопросов ареальной лексикологии, с каждым годом расширяется и углубляется. Можно без преувеличения сказать, что страны, давшие науке о языке таких пионеров пространственной лингвистики, как Дж. Райт (недавно переиздан его шеститомный словарь английских диалектов), Г. Венкер и Ф. Вреде, с честью продолжают благотворные традиции этих ученых и в настоящее время идут в авангарде диалектологической мысли не только по частным вопросам лингвогеографии, но и по разработке важнейших общетеоретических проблем.

Ниже будут рассмотрены некоторые наиболее значительные работы по ареальной лингвистике германских языков, опубликованные в 1963—1965 гг.

---

²⁰ О древнейших диалектизмах см.: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 73—74 (со ссылкой на список балто-южнославянских диалектизмов, составленный В. М. Илличем-Свитычем); О. Н. Трубачев. О праславянских лексических диалектизмах серболужицкого. — «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963; О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. — «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963.